

25. Скакун, О. Ф. Институт освобождения от юридической ответственности (теоретико-правовой и историко-правовой аспекты) / О. Ф. Скакун // Ученые зап. Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Юрид. науки». – 2008. – № 2. – С. 82–91.
26. Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / А. П. Александров [и др.]. – М. : Совет. энцикл., 1961–1976. – Т. 9 : Мальта – Нахимов / гл. ред. Е. М. Жуков. – 1966. – 1000 стб.
27. Стабровский, Е. И. Теоретико-правовые основы формирования правового сознания личности в процессе реализации юридической ответственности (антрополого-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. И. Стабровский ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – 25 с.
28. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред.: Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. – М. : Совет. энцикл., 1935–1940. – Т. 3 : П – Ряшка / сост. В. В. Виноградов [и др.]. – 1939. – 1424 стб.
29. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года : с изм. и доп. по 10 февр. 1928 г. Сравн. указ. ст. УК ред. 1922 г. и 1926 г. – Л. : Рабочий суд, 1928. – 153 с.
30. Хрестоматия по истории Древнего Востока / сост. А. А. Вигасин. – М. : Вост. лит., 1997. – 400 с.
31. Хрестоматия по истории Древнего Востока : в 2 ч. / под ред. М. А. Коростовцева [и др.]. – М. : Высш. шк., 1980. – Ч. 1. – 328 с.
32. Шепталин, А. А. Об истоках права с позиции юридической антропологии / А. А. Шепталин // Журн. рос. права. – 2022. – № 3. – С. 35–47.
33. Янчин, В. О. Меры воспитательного воздействия как институт освобождения несовершеннолетних от административной ответственности / В. О. Янчин // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 40–47.
34. Hoebel, E. A. The Law of Primitive Man: A Study In Comparative Legal Dynamics / E. A. Hoebel. – Cambridge; Massachusetts : Harvard Univ. Press, 1954. – 357 p.
35. Lowie, R. H. Primitive Society / R. H. Lowie. – New York : Boni and Liveright, 1920. – 463 p.

Дата поступления в редакцию: 14.03.2023

УДК 342.9

О. Г. Каразей, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: aleh.krz@gmail.com

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Рассматривается вопрос правового регулирования домашнего насилия, в частности деяния, причиняющие физические и психические страдания потерпевшему (преследование). Акцентируется внимание на ограничение деятельности правоохранителей в профилактике данного вида правонарушений. Анализируется международный опыт установления ответственности за преследование, содержание, признаки данного правонарушения и ответственность за его совершение. Сформулированы предложения по установлению административной ответственности в Республике Беларусь за преследование.

Ключевые слова: преследование, stalking, слежка, угрозы, психические страдания.

O. H. Karazei, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Faculty of the Militia of Public Safety of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: aleh.krz@gmail.com

ON ESTABLISHING RESPONSIBILITY FOR STALKING

The article deals with the issue of legal regulation of domestic violence, in particular, acts that cause physical and mental suffering to the victim (stalking). Much attention is paid to limits in the activities of law enforcement officers in stalking prevention. The author analyzes the international experience in establishing the responsibility for stalking, considers the essence and elements of the offence and the responsibility for its commission. The author formulates proposals for establishing administrative responsibility for stalking in the Republic of Belarus.

Keywords: stalking, controlling, threats, mental suffering.

До недавнего времени белорусское законодательство не считало домашним насилием правонарушение, совершенные по отношению друг к другу бывшими супругами, гражданами, которые ранее проживали совместно без регистрации брака либо имеют общих детей.

С целью правового регулирования профилактики домашнего насилия 12 июля 2022 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь от 6 января 2022 г. № 151-З «Об изменении законов по вопросам профилактики правонарушений», в том числе удалось урегулировать и вышеуказанную проблему.

В то же время деятельность органов внутренних дел в профилактике домашнего насилия ограничена положениями административно-деликтного и уголовного права, в соответствии с которыми не все деяния, причиняющие физические или психические страдания потерпевшим, соотносятся с признаками существующих правонарушений.

Одним из таких деяний является преследование, которым характеризуют поведение, выраженное в настойчивом навязывании одним человеком различным путем взаимодействия с другим лицом против воли последнего. В значительной степени такое поведение характерно бывшим членам семьи, не желающим смириться с разрывом отношений.

Следует отметить, что в органы внутренних дел от граждан регулярно поступают заявления с просьбой принять меры к бывшим супругам (сожителям), которые регулярно поджидают их у подъездов, на выходе с работы, звонят домой, родственникам, пишут в социальных сетях, работодателям, высказывают различные угрозы, при этом преследуя цель восстановить семью либо, наоборот, отомстить за разорванные отношения. Количество такого рода заявлений в нашей стране сегодня оценить невозможно, так как рассмотрение подавляющего большинства из них не оканчивается привлечением к уголовной либо административной ответственности.

При этом в ряде государств рассматриваемый вопрос решен положительно, ответственность установлена. А исследования, проводимые в данной сфере, показывают, что от преследования в течение жизни страдает каждая пятая женщина и каждый десятый мужчина, что характеризует данный вид насилия как гендерно мотивированный [7, р. 71–72].

Так, в Великобритании основы законодательства, регулирующего ответственность за преследование (от англ. *stalking* – stalking), приняты еще в прошлом веке. Согласно Закону о защите от домогательства, который вступил в силу 16 июня 1997 г., стало наказуемо поведение, которое заключается в домогательстве другого лица путем совершения действий, которые вызывают у пострадавшего тревогу или беспокойство. Такое поведение должно состоять как минимум из двух эпизодов в отношении одного лица или в случае домогательства двух или более лиц не менее одного эпизода в отношении каждого из них [9].

Законом о защите свобод граждан, вступившим в силу 25 ноября 2012 г., вышеуказанный законодательный акт дополнен положениями, запрещающими и устанавливающими ответственность непосредственно за преследование [10]. Следует отметить, что четкого юридического определения преследования (как и домогательства) в законе не приведено, однако из анализа его положений необходимо вести речь о наличии ситуации одержимости одного человека другим, что сопровождается постоянными повторяющимися нежелательными попытками вступить во взаимодействие с конкретным лицом. При этом в ст. 2А Закона о защите от домогательства приведены «примеры действий либо бездействия, которые при определенных обстоятельствах могут быть определены как преследование». К таковым относятся следующие:

- а) следование за человеком;
- б) вступление в контакт или осуществление попытки связаться с человеком любыми средствами;
- в) размещение в открытом доступе каких-либо утверждений или других материалов, имеющих отношение к какому-либо лицу или якобы исходящих от данного лица;
- г) мониторинг использования человеком сети Интернет, электронной почты или любой другой формы электронного общения;
- д) нахождение без цели в каком-либо месте (общественном или частном), имеющем отношение к определенному лицу;
- е) нарушение имущественных прав данного лица;
- ж) наблюдение или слежка за человеком.

Количество эпизодов противоправной деятельности соответствует вышеприведенному для домогательства, разновидностью которого преследование и является.

Лицо, виновное в совершении преследования, подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок до 51 недели или к штрафу 5-го уровня (наивысший уровень штрафных санкций – более 6 850 белорусских рублей в эквиваленте, максимальный предел штрафа не лимитирован), или к тому и другому.

Кроме того, введенная в том же 2012 г. ст. 4А Закона о защите от домогательства устанавливает ответственность за квалифицированное правонарушение – «преследование, связанное со страхом насилия или серьезной тревогой или беспокойством». Виновным в совершении деяния признается лицо («А»), поведение которого квалифицируется как преследование, и (или) вызывает у другого лица («Б») опасения, по крайней мере, в двух случаях, что против «Б» будет применено насилие, или вызывает у «Б» серьезные тревогу или беспокойство, которые оказывают существенное неблагоприятное воздействие на обычную повседневную деятельность «Б», если «А» знает или должен был знать, что поведение «А» вызовет у «Б» такой страх в каждом из этих случаев или (в зависимости от обстоятельств) вызовет такие тревогу или беспокойство.

За совершение данного правонарушения может налагаться штраф, лишение свободы на срок до 10 лет (до 3 апреля 2017 г. максимальный срок заключения был ограничен 5 годами [8]) либо оба наказания одновременно.

Согласно данным Управления национальной статистики Великобритании в 2021 г. на территории Англии и Уэльса зарегистрировано 771 644 случая преследования и домогательств [6]. Наиболее частым виновником преследования являлся нынешний либо бывший партнер (39 %). Наиболее распространенные формы преследования: отправка нежелательных писем, электронных писем, текстовых сообщений непристойного или угрожающего содержания (50 %), осуществление непристойных, угрожающих, раздражающих или «молчаливых» телефонных звонков (35 %), умышленное повреждение имущества (21 %), слежка и наблюдение (17 %) [7, p. 68].

Законодатель Федеративной Республики Германия применил подобный подход в установлении ответственности за преследование. Согласно введенному в 2007 г. в Уголовное уложение § 238 «Преследование» подлежит ответственности тот, кто недозволенно преследует другое лицо способом, пригодным для существенного ухудшения качества его жизни, тем, что систематически:

ищет его пространственной близости;

пытается установить с ним контакт, используя телекоммуникационные средства, иные средства коммуникации или через третьих лиц;

злоупотребляя его личными данными, заказывает для него товары или услуги или привлекает третьих лиц для установления контакта с ним;

угрожает ему причинением вреда жизни, телесной неприкосновенности, здоровью или свободе его самого или близкого ему лица или совершает иные подобные действия [3, л. 160].

Такие действия влекут лишение свободы на срок до трех лет или денежный штраф. При этом деяние подлежит уголовному преследованию только по ходатайству, за исключением случаев, в которых, по мнению правоохранительных органов, в силу особого общественного интереса в уголовном преследовании требуется государственное вмешательство.

Квалифицированный состав данного правонарушения предусматривает создание ситуации, подвергающей потерпевшего, его родственника или иное близкое для потерпевшего лицо смертельной опасности или опасности причинения тяжкого вреда здоровью, влечет уже лишение свободы на срок от трех месяцев до пяти лет [2, с. 344–345].

Профессор П. В. Головненков при этом обращает внимание, что до 2017 г. в Германии «ухудшение качества жизни потерпевшего» в результате преследования было обязательным квалифицирующим признаком правонарушения, что определяло структуру состава как материальную. Субъективное восприятие stalking потерпевшим (страх, депрессия, стресс и т. д.) во внимание не принимались, что не способствовало эффективной защите правовых благ, нарушаемых инкриминированными деяниями. И поэтому норма была существенно изменена: по конструк-

ции объективной стороны состав правонарушения сформулирован как формальный с особыми требованиями пригодности деяния для достижения преступного последствия – «преследование другого лица способом, пригодным для существенного ухудшения качества его жизни». Таким образом, решающим является не столько действительно причиненное ухудшение качества жизни потерпевшего, сколько объективная пригодность деяния для наступления подобного последствия [2, с. 346].

Установлению ответственности за преследования в других европейских странах способствовало вступление в силу с 1 августа 2014 г. Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (подписана в 2011 г. в Стамбуле; далее – Стамбульская конвенция), ст. 34 которой сторонам предписано принять необходимые законодательные или иные меры для обеспечения того, чтобы намеренное поведение в виде неоднократного угрожающего поведения, направленного на другое лицо, которое вызывает у нее или него страх за свою безопасность, преследовалось в уголовном порядке.

К настоящему времени 45 стран подписали Стамбульскую конвенцию и для 37 из них она уже вступила в силу. Будучи участниками данной конвенции, криминализировано преследование и рядом постсоветских стран, в частности, Грузией, Молдовой и Украиной.

В 2018 г. Уголовный кодекс Грузии дополнен ст. 151-1 «Преследование», под которым понимается производимое лично или через третьих лиц незаконное слежение за лицом, членом его семьи или близким родственником или установление нежелательной коммуникации при помощи телефона, электронных или иных средств или любое другое умышленное деяние, которое осуществляется систематически и причиняет лицу психические страдания или (и) вызывает обоснованные опасения о применении насилия в отношении лица или члена его семьи или близкого родственника или (и) об уничтожении имущества, вынуждающие лицо значительным образом изменить свой жизненный уклад или создающие реальную необходимость изменить его значительным образом. Такое деяние наказывается штрафом или общественно полезным трудом на срок от 120 до 180 ч либо лишением свободы на срок до двух лет с ограничением прав, связанных с оружием, или без такового.

Так, те же деяния, совершенные в отношении заведомо для виновного несовершеннолетнего лица, находящегося в беспомощном состоянии, лица с ограниченными возможностями или женщины, находящейся в состоянии беременности, либо группой лиц, либо неоднократно, либо с использованием служебного положения, наказываются лишением свободы на срок от двух до пяти лет с ограничением прав, связанных с оружием, или без такового.

Согласно ст. 78-2 «Акты преследования» Кодекса Республики Молдова о правонарушениях систематическое преследование лица, вызывающее тревогу, страх за личную безопасность или безопасность близких родственников, вынуждая изменить образ жизни, совершенное путем выслеживания лица либо установления контакта или попытки установления контакта с лицом при помощи любых средств или посредством другого лица, влечет наложение штрафа в размере от 30 до 60 условных единиц (187–374 белорусских рубля) или назначение наказания в виде неоплачиваемого труда в пользу общества на срок от 20 до 40 ч или в виде ареста на срок от 10 до 15 дней.

Согласно ст. 173-2 «Совершение домашнего насилия, насилие по признаку пола, невыполнение срочного запретительного предписания или несообщение о месте своего временного пребывания» Кодекса Украины об административных правонарушениях наказуемо домашнее насилие, а также насилие по признаку пола, т. е. умышленное совершение любых деяний (действий или бездействия) физического, психологического или экономического характера (применение насилия, не повлекшее телесных повреждений, угрозы, оскорбления или преследования, лишение жилья, пищи, одежды, иного имущества или средств, на которые потерпевший имеет право, и т. п.), в результате чего мог быть причинен вред физическому или психическому здоровью потерпевшего. Совершение таких деяний влечет наложение штрафа от 10 до 20 не облагаемых налогом минимумов доходов граждан (809–1 618 белорусских рублей) или общественные работы на срок от 30 до 40 ч, или административный арест на срок до 10 суток.

Те же действия, совершенные лицом, которое в течение года было подвергнуто административному взысканию за одно из указанных нарушений, влекут наложение штрафа от 20 до 40 не

облагаемых налогом минимумов доходов граждан (1 618–3 236 белорусских рублей) или общественные работы на срок от 40 до 60 ч, или административный арест сроком до 15 суток.

Кроме того, в 2017 г. Уголовный кодекс Украины дополнен ст. 126-1 «Домашнее насилие», под которым понимается умышленное систематическое совершение физического, психологического или экономического насилия в отношении супругов или бывших супругов или другого лица, с которым виновный находится (находился) в семейных или близких отношениях, что приводит к физическим или психологическим страданиям, расстройствам здоровья, потере трудоспособности, эмоциональной зависимости или ухудшению качества жизни потерпевшего лица. Такие деяния наказываются общественными работами сроком от 150 до 240 ч, или арестом сроком до 6 месяцев, или ограничением свободы сроком до 5 лет, или лишением свободы сроком до 2 лет. Несмотря на отсутствие в данной норме указания на преследование, такие действия все же наказуемы, так как согласно п. 14 ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию» преследование является формой психологического насилия.

При этом содержание понятия «преследование» ни в одном из указанных нормативных правовых актов не раскрыто, что, полагаем, должно вызывать затруднения у украинского правоприменителя при оценке деяния с учетом данного квалифицирующего признака.

На диссертационном уровне прорабатывался вопрос о целесообразности установления уголовной ответственности за преследование в Российской Федерации: Л. Н. Клоченко предлагает под преследованием понимать деяние, выраженное в психическом воздействии на потерпевшего, совершаемое путем систематических оскорблений, шантажа, демонстраций агрессии или иных действий и причинившее потерпевшему нравственные страдания. Квалифицированный состав преступления должен характеризоваться теми же действиями, совершенными:

публично либо с использованием средств связи или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет;

по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы; группой лиц по предварительному сговору;

лицом, с использованием служебного положения;

в отношении несовершеннолетнего либо двух и более лиц [3, л. 10–11].

Если обратиться к белорусскому законодательству, то следует сделать вывод, что отдельные виды преследования могут образовывать составы правонарушений, ответственность за совершение которых установлена ст. 10.1, 10.2, 11.3, 19.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП), ст. 145, 170, 186, 188, 203, 203¹, 218 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК).

Однако по своей природе преследования далеко не всегда сопряжены с конкретным правонарушением из приведенного перечня, например, с угрозой убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК). Как быть с угрозой избить, причинить менее тяжкие телесные повреждения, уничтожить или повредить имущество не общепасным, а любым другим способом? Если оскорбительное приставание к гражданам при определенных условиях образует состав мелкого хулиганства (ст. 19.1 КоАП), то простое следование за кем-то, попытка завязать нежелательный разговор – нет. В то время как умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме, является оскорблением (ст. 10.2 КоАП), то некавалифицированное унижение личного достоинства – сфера гражданско-правовых отношений (кроме систематичности таких действий, повлекших суицид потерпевшего).

Понуждение лица к совершению действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества является преступлением (ст. 170 УК), а все те же действия с целью начать общаться, встречаться, образовать семью, несмотря на категорическую неприемлемость такого развития событий для адресата, не наказуемо.

Особенно показательна ст. 145 УК, устанавливающая ответственность за доведение до самоубийства или покушения на самоубийство путем угрозы применения насилия к нему или его близким, уничтожения, повреждения или изъятия их имущества, распространения клеветнических

или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства. За совершение таких действий предусматривается наказание вплоть до трех лет лишения свободы. Объективная сторона данного преступления имеет конструкцию материального состава преступления, соответственно, если все те же действия не приведут пострадавшего к попытке суицида, то какая-либо ответственность за их совершение не установлена («жестокое обращение» в ряде случаев может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 10.1 КоАП, однако ответственность за совершение данного правонарушения распространяется только на близких родственников, действующих либо бывших членов семьи). В то же время можно предположить, что психике человека в результате высказывания в его адрес подобных угроз, особенно неоднократных, причиняется вред, что вызывает стресс, сопровождается депрессией, тревожностью, теми же мыслями о самоубийстве. Вследствие постоянного нахождения в такой ситуации пострадавший начинает реже покидать свое место жительства, вынужден менять пути следования, хобби, место работы, жительства и т. п.

Фактическое противоправное психическое воздействие при таких обстоятельствах испытывает значительное количество граждан (женщины, старики, несовершеннолетние, люди с инвалидностью и др.). При этом они не могут получить правовой защиты в условиях отсутствия соответствующего законодательства. Как отмечает Л. Н. Клоченко, в отечественной общественно-политической и юридической мысли эта тема относится к разряду табуированных, несмотря на повышенное внимание мирового сообщества к проблемам защиты отдельных групп населения от насилия [3, л. 140].

Полагаем возможным согласиться и с О. В. Федоровой, которая считает, что отсутствие должного внимания к рассматриваемой проблеме связано с пренебрежением к таким категориям, как «свобода, честь и достоинство личности» и отсутствием в лексиконе современного юриста такого словосочетания, как «качество жизни» [5, с. 170].

При этом с развитием современных коммуникативных технологий проблема преследования будет только усугубляться, что обусловило появление его разновидности – киберпреследования, заключающегося в использовании современных технологий и информации о лице, полученной в интернете, с целью «травли», создания атмосферы страха и т. п. В литературе подчеркивается, что действия преследователя в виртуальном пространстве не менее опасны, чем совершаемые в реальности. Напротив, использование современных технологий способствует совершению посягательств, затрудняя поиск злоумышленника [1, с. 348].

В настоящее время преследование криминализировано не только в странах Европы, но и в Австралии, Индии, Канаде, Японии, других государствах (с различной степенью детализации объективной стороны правонарушения). Таким образом, речь идет не о региональной проблеме, а общемировой. Полагаем очевидным, что рассматриваемая проблема характерна и для нашей страны.

Так, в 2018 г. Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси выполнена научно-исследовательская работа «Исследование безопасности семьи в Республике Беларусь», в рамках которой было опрошено 1 506 женщин. Выборочная совокупность является репрезентативной по регионам республики, типу населенного пункта, возрасту и уровню образования (максимальная погрешность выборки – не более $\pm 2,5\%$).

В ходе исследования определен также уровень распространенности явления «преследование женщины (надоедали, докучали, домогались, добивались общения), что вызвало у нее опасение за свою безопасность», что рассматривается как форма контролирующего поведения, относящаяся к психологическому насилию [4, с. 12–13].

Установлено, что в течение жизни почти каждая 5-я женщина (18,3 %) из всех опрошенных получала электронные сообщения сексуального характера, которые ей неприятны и дискомфортны, каждая 10-я (11,6 %) сталкивалась с преследованием вне партнерских отношений, а каждая 11-я (8,7 %) – в нынешнем и (или) предыдущем партнерстве [4, с. 76, 99].

Изложенное позволяет говорить об общественной опасности преследования как вида психического насилия, причиняющего определенные последствия в виде психических и (или) физических страданий.

Анализ нормативных правовых актов зарубежных стран, научной литературы по проблеме преследования позволяет выделить основные характеристики данного правонарушения:

навязчивость оказываемого внимания со стороны правонарушителя, его назойливость, надоедливость;

нежелательность знаков внимания к себе, их неприемлемость, неприятность для пострадавшего;

неоднократность однородных либо различных по своей природе фактов преследования;

причинение такими действиями психических и (или) физических страданий пострадавшему либо потенциальная возможность их причинения.

В результате совершения данного правонарушения вред причиняется общественным отношениям, регулирующим личные неимущественные права человека (конституционные права на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь, на честь и достоинство, защиту свободно передвигаться, на добровольной основе вступать в брак), факультативно – праву собственности.

Объективная сторона правонарушения, по нашему мнению, должна выражаться в совершении умышленных действий, перечисленных в проекте статьи, которой на первоначальном этапе предлагается дополнить КоАП (не исключаем, что правоприменительная практика, дальнейшие исследования по теме, что показывает международный опыт, позволят рассматривать такие деяния как преступление):

«Статья 10.22. Преследование

Преследование, то есть умышленные систематические действия, выразившиеся в незаконном наблюдении за лицом, его близкими, общении с лицом, его близкими против их воли, в том числе по телефону, с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, посредством использования других лиц, шантажа, угрозы применения насилия к лицу или его близким, уничтожения, повреждения или изъятия их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства, которые объективно дают основания гражданину опасаться за свою безопасность или безопасность его близких, –

влечет наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест».

При подготовке проекта предлагаемой статьи КоАП использовались формулировки действующих положений КоАП и ПИКоАП, законодательства о профилактике правонарушений, об оперативно-розыскной деятельности (указание на незаконность наблюдения отграничит рассматриваемое деяние от правомерного проведения соответствующего оперативно-розыскного мероприятия).

Важно добавить и то, что понятие систематичности в КоАП отсутствует, однако должно быть закреплено, так как кроме предлагаемой нормы оно используется в ст. 10.8 и 16.29 данного Кодекса. В этой связи ч. 1 ст. 1.10 КоАП после п. 12 следует дополнить п. 12¹ следующего содержания:

«12¹) систематичность – признак, указывающий на совершение лицом более двух тождественных или однородных правонарушений».

Учитывая повышенную общественную вредность правонарушения, международную практику, полагаем необходимым отнести его к категории грубых административных правонарушений.

Деяния, содержащие признаки рассматриваемого административного правонарушения, должны влечь административную ответственность по требованию (ст. 4.4 КоАП), что позволит учесть особенности психического отношения потерпевшего к проявлениям воздействия на психику и гарантировать защиту от неправомερных форм воздействия в тех случаях, когда такое поведение объективно дает основания гражданину опасаться за свою безопасность или безопасность его близких.

Подобный механизм позволит избежать «избыточного» производства по делам об административных правонарушениях, а также учесть отношение самого потерпевшего к фактам оказания на него неблагоприятного психического воздействия со стороны других лиц, одновременно создав правовую возможность примирения. Полагаем, что в такой ситуации будет найден баланс между интересами пострадавшей стороны и обязанностями государства в части эффективного реагирования на факты противоправного поведения.

Список использованных источников

1. Барышева, К. А. Киберсталкинг как новый вид уголовно наказуемого деяния / К. А. Барышева // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (26–27 янв. 2017 г.). – М., 2017. – С. 347–350.
2. Головненков, П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) : науч.-практ. коммент. и пер. текста закона / П. В. Головненков. – Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2021. – 494 с.
3. Клоченко, Л. Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. Н. Клоченко. – М., 2019. – 206 л.
4. Распространенность насилия в отношении женщин в Республике Беларусь: по материалам НИР «Исследование безопасности семьи в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] / Фонд ООН в области народонаселения в Респ. Беларусь, Гос. науч. учреждение «Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси». – Минск: Белсэнс, 2019. – 174 с. – Режим доступа: <https://belarus.unfra.org/ru/publications/исследование-по-распространенности-насилия-в-отношении-женщин-проведенного-институтом>. – Дата доступа: 10.10.2022.
5. Федорова, О. В. Уголовная ответственность за преследование (stalking) / О. В. Федорова // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии : сб. науч. тр. каф. уголов. права. – М., 2014. – Вып. 4 / под ред. А. В. Бриллиантова. – С. 164–174.
6. Crime in England and Wales, Appendix tables – year ending December 2021 [Electronic resource] / Crime in England and Wales: Appendix tables // Office for National Statistics. – 2022. – Mode of access: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/datasets/crimeinenglandandwalesappendixtables>. – Date of access: 03.10.2022.
7. Homicides, Firearm Offences and Intimate Violence 2009/10 [Electronic resource] / K. Smith (ed.), K. Coleman, S. Eder, Ph. Hall // Home Office Statistical Bulletin. – 2022. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/116512/hosb0111.pdf. – Date of access: 03.10.2022.
8. Policing and Crime Act 2017 [Electronic resource] // Legislation.gov.uk. – 2022. – Mode of access: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/3/part/9/chapter/1/crossheading/stalking>. – Date of access: 03.10.2022.
9. Protection from Harassment Act 1997 [Electronic resource] // Legislation.gov.uk. – 2022. – Mode of access: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1997/40/contents/2012-11-25>. – Date of access: 03.10.2022.
10. Protection of Freedoms Act 2012 [Electronic resource] // Legislation.gov.uk. – 2022. – Mode of access: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/9/part/7/crossheading/stalking>. – Date of access: 03.10.2022.

Дата поступления в редакцию: 17.10.2022

УДК 342.9

А. С. Кривонощенко, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры управления органами внутренних дел
факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: Alexandr7618904@yandex.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ОТРАСЛЕВОГО И МЕЖОТРАСЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ
В СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Рассматривается содержание функционально-отраслевого управления и его реализации в системе республиканских органов исполнительной власти Республики Беларусь. На основе анализа теоретико-правовых подходов и законодательства характеризуется действующая система министерств и государственных комитетов с точки зрения характера их компетенции, определяются отраслевые и межотраслевые республиканские органы государственного управления. Обосновывается целесообразность принятия единого нормативного правового акта, регламентирующего правовой статус и систему органов исполнительной власти.

Ключевые слова: республиканские органы государственного управления, исполнительная власть, функционально-отраслевое управление, министерство, государственный комитет.